

Бай Инчи, говоря о последствиях, явно прибегнул к запугиванию, надеясь хоть немного умерить любопытство Юй Уцюэ, но этот метод оказался бессилён против юношеского упрямства, которому неведом страх.

Юноша ответил столь решительно, словно даже не задумывался над словами:

— Хочу знать.

— Почему?

— Ради него.

Юй Уцюэ взглянул на изможденного Хэ Бугуя и добавил:

— Даже если я глуп, я понимаю, что Шансянь пострадал по моей вине. У меня на сердце тяжесть, и я просто хочу хоть чем-то искупить свою вину.

Нежелание признавать ошибки, продиктованное упрямством, и искреннее желание отплатить за добро — в его сознании это были звенья одной логической цепи.

Прямота, внимание лишь к причинам, а не к последствиям.

В этой простодушной честности было нечто трогательное. Бай Инчи не удержался и с улыбкой поджал губы:

— Младший брат избил тебя так, что ты несколько дней с постели встать не мог, а ты на него даже не в обиде.

— Бабушка тоже всегда меня била.

Для Юй Уцюэ порка от бабушки была проявлением заботы, и точно так же он расценивал суровость Хэ Бугуя. Разве может он держать на него зла? Поставив эти понятия в один ряд, Юй Уцюэ счёл всё происходящее вполне закономерным.

Если раньше он готовил еду и приносил её, стараясь угодить, то сегодня всё, что он делал и говорил, шло от чистого сердца.

— Не стану скрывать, Дворец Тяньцзи, я видел записи Шансяня и знаю, что произошло сегодня ночью на горе Чицзинь.

Бай Инчи ответил:

— Рассказывай, что понял.

Найденные в спальне рукописи содержали чертежи Марионеток, созданных Хэ Бугуем специально для того, чтобы сдержать извержение лавы на горе Чицзинь. Мало того, что каждая из них была невероятно сложна в изготовлении, в них были вложены мощнейшие заклинания поглощения. После активации Марионетки формировали пространство горчичного зерна, целью которого было поглотить всё сущее, подобно тому, как гора Сумеру вмещается в малое семя.

Это была техника буддийской школы. Без колоссального уровня культивации и глубочайших теоретических знаний создать даже одну такую Марионетку было невозможно, а Хэ Бугуй, не смыкая глаз, создал их целую сотню.

Вот почему он целый месяц не выходил из покоев, работая до глубокой ночи, пока совсем не лишился сил.

Бай Инчи одобрительно кивнул:

— Пятьдесят процентов правды есть, неплохо.

— Вы слишком добры ко мне, Дворец Тяньцзи. Я лишь поверхностно изучал технику пространства горчичного зерна, чтобы лучше понимать, как вместить больше вещей в мешок.

— Младший брат создал два массива. Один ты угадал, второй — того же корня, только работает в обратном направлении.

Хэ Бугуй создал великий массив, превращающий семя в гору Сумеру, чтобы в одно мгновение поглотить мириады тонн лавы, а затем применил обратный метод — массив, превращающий гору Сумеру в семя, чтобы поглотить остатки энергии, тем самым развеяв ужасающую божественную кару.

Бай Инчи терпеливо объяснял это, во-первых, потому что Юй Уцюэ искренне стремился к знаниям, а во-вторых, чтобы дать ему понять: Хэ Бугуй не думал о последствиях, пытаясь исправить катастрофу ради спасения всех живущих.

Бай Инчи погладил Юй Уцюэ по голове:

— Тебе не стоит себя так винить.

Юй Уцюэ упрямо вскинул голову:

— Но я не могу просто так успокоиться.

Конечно, он понимал, что Хэ Бугуй делал это не ради него. Он и Шансянь Тайвэй — чужие люди, к тому же он сам оказался под стражей из-за проступка. С какой стати такому человеку, как Хэ Бугуй, хлопотать о нем? Однако в инциденте на горе Чицзинь Юй Уцюэ был тем, кто меньше всего должен был оставаться в стороне. Если бы не его слабая сила, недостаток таланта и безрассудство, приведшие к беде, возможно, он мог бы помочь, собственноручно закрыв брешь, а не ждать, пока Хэ Бугуй упадет без сознания прямо на лаву, где он его и нашел.

Может, очнувшись, Хэ Бугуй даже не свяжет эти события с ним, но, глядя на болезненный вид Шансяня, Юй Уцюэ отложил мысли о наставничестве и уходе из секты.

Юй Уцюэ отвесил глубокий поклон:

— Дворец Тяньцзи, дайте мне шанс. Я спрашиваю о причинах болезни Шансяня лишь для того, чтобы лучше заботиться о нем. В Парящем Дворце много Марионеток, но они не заменят живого человека. Вам неудобно каждый день приходить сюда, а мне — в самый раз. Прислуживать Шансяню, убирать покои — это мой долг как ученика Дворца Тяньцзи.

Бай Инчи помолчал, затем поднял его и мягко сказал:

— Твоё стремление похвально. Вставай.

— Так что это за болезнь? Как её лечить? На что обратить внимание в еде и быту?

— Тело младшего брата... считай, что он просто простудился. Давай ему укрепляющие отвары, через несколько дней отдыха он придет в норму. Ежедневно с часа Свиньи до часа Зайца его духовная энергия иссякает, и тело становится слабее, но это не угрожает жизни. Главное — не давай ему переохлаждаться и не позволяй бодрствовать по ночам. Как только эти часы пройдут и культивация восстановится, боль отступит.

Он не стал договаривать до конца, лишь порадовавшись искренности Юй Уцюэ и дав совет:

— Уцюэ, знать, но не спрашивать, слышать, но не отвечать — это лучшее, что ты можешь сделать и для себя, и для него. Спрячь свои подозрения глубоко в душе и никогда ни с кем не обсуждай их. Понял?

Юй Уцюэ покорно склонил голову:

— Ученик будет следовать вашему приказу, Дворец Тяньцзи.

— Скоро рассвет. Ты и так провел здесь всю ночь, ступай отдохни.

Бай Инчи снова перевел взгляд на лицо Хэ Бугуя и крепче сжал его руку:

— Я останусь с ним.

Бай Инчи просидел у кровати несколько часов, почти не отрывая взгляда от Хэ Бугуя, словно готов был ждать вечность, пока Шансянь Тайвэй не откроет глаза.

Внешний мир твердил, что трое Шансяней Дворца Тяньцзи выросли вместе и всегда были очень близки. Но если бы Юй Уцюэ не увидел это своими глазами, он бы не поверил, что глава могущественного ордена может смотреть на кого-то с такой нежной преданностью, а холодный и величественный Хэ Бугуй даже во сне будет так крепко держать кого-то за руку, не желая отпускать.

Невольно становилось немного завидно.

Юй Уцюэ оставалось лишь сказать:

— Ученик пойдет на кухню, подготовит завтрак. Когда Шансянь проснется, еда поможет ему быстрее восстановиться. Дворец Тяньцзи, вы тоже поешьте вместе с ним.

Бай Инчи слегка кивнул:

— Благодарю за труды.

<http://bllate.org/book/21954/2281023>